

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080009066-9

Для цитирования: Белокреницкий В.Я. [Рец. на:] Dyson, Tim. *A Population History of India: From the First Modern People to the Present Day*. New York: Oxford University Press, 2018. 336 p. ISBN978-5-02-039833-7. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 224–234. DOI: 10.31857/S086919080009066-9

For citation: Belokrenitsky V.Y. [Review of:] Dyson, Tim. *A Population History of India: From the First Modern People to the Present Day*. New York: Oxford University Press, 2018. 336 p. ISBN978-5-02-039833-7. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 224–234. DOI: 10.31857/S086919080009066-9

Dyson, Tim. *A POPULATION HISTORY OF INDIA:
FROM THE FIRST MODERN PEOPLE TO THE PRESENT DAY*.
New York: Oxford University Press, 2018, 336 p. – ISBN978-5-02-039833-7

© 2020

В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8471-928X; enitsky@yandex.ru

Книга английского историка и демографа, сотрудника Лондонской школы экономики Тима Дэйсона отвечает на запросы как специалистов, так и широкой читательской аудитории. В предисловии автор отмечает, что хотел сделать свою работу «открытой для возможно большого круга читателей» [Dyson, 2018, p. 3]; представляется, что с этой задачей он полностью справился. Вместе с тем монографию отличает строгая научность и наличие многочисленных ссылок как на работы предшественников и коллег, так и на его собственные работы, начавшие появляться в 1984 г. Поражает хронологический диапазон монографии, охватившей все этапы истории индийского населения – от древнейших до современных.

Прежде чем переходить к содержанию книги, отмечу, что в отечественной литературе по истории Индии, да и других стран Востока, за исключением, может быть, Китая, вопросам демографической истории отводится не слишком большое место (если отводится вообще). Не берясь обсуждать причины этого явления, замечу, что это характерно для исторических трудов и советского, и постсоветского периодов. Историко-(экономико-)демографические работы у нас выходили и по Азии в целом, и по Индии и некоторым другим регионам, но их было немного. Это в первую очередь книги А.В. Акимова [Акимов, 1992], А.Р. Вяткина [Вяткин, 1984], А.М. Горячевой [Горячева, 1983], Я.Н. Гузеватого [Гузеватый, 1980], В.В. Петрова [Петров, 1978]. В недавнее время усилиями А.В. Коротаева и его коллег, а также ряда других историков (в частности, С.А. Нефёдова) демография заняла видное место в теории исторического процесса (см. напр.: [Коротаев, Малков, Халтурина, 2007]). Однако повторяюсь: как правило, при описании прошлого отдельных стран и регионов популяционной проблематике подобающего внимания не уделяется.

В книге Т. Дэйсона демография занимает центральное место, причем и сам автор отмечает в предисловии некоторое пренебрежение к демографии в исторических работах. Книга состоит из 10 глав, каждая из которых (за исключением последней, обобщающей)

посвящена одному из периодов в истории Индии, различных по протяженности и до определенной степени произвольно выбранных автором.

В первой короткой главе рассматривается появление на субконтиненте современного человека, прародиной которого была Африка. На запад Южной Азии первые люди пришли скорее всего 60–80 тыс. лет назад по ныне находящимся под водой участкам суши. Археологический материал свидетельствует о наличии символических изображений, сделанных 20–30 тыс. лет назад. После окончания ледникового периода (11–9 тыс. лет назад) первобытные охотники-собиратели расселились в разных частях субконтинента, особенно в более влажном, покрытом лесами Белуджистане, отличающемся ныне крайне засушливым и жарким климатом.

Неоднократно подчеркивая приблизительный, спекулятивный характер оценок численности жителей региона в ту эпоху, автор тем не менее приводит мнение английского историка-демографа К. Макивди, полагавшего, что в постледниковое время количество людей равнялось примерно 200 000 и достигло полумиллиона около 7 тыс. лет назад [Dyson, 2018, p. 6]. Средняя продолжительность жизни охотников-собирателей оценивается археологами округленно в 30 лет; согласно данным биоархеологии, они были физически сильными и достаточно рослыми, при этом рождаемость оставалась на довольно низком уровне, что объясняет медленный рост населения.

Позднейшие археологические находки позволили установить, что в эпоху, отстоящую от нас на 7–5 тыс. лет (5–3 тыс. лет до н. э.), часть обитавших на субконтиненте людей перешла к земледелию, нередко в сочетании с охотой, рыболовством и собирательством. Раскопки в Белуджистане (Мехргархе и других местах) указывают на начальные фазы этого процесса, постепенно распространившегося на восток, в долину Инда и далее в бассейн Ганга и другие области субконтинента [Dyson, 2018, p. 13–15]. Помимо увеличения средств к существованию переход к оседлому или полуоседлому земледелию сопровождался большей подверженностью людей неблагоприятным факторам – засухам, наводнениям, болезням растений. Из-за более скученного проживания земледельцев возросла роль инфекций. Численность оседлого и кочевого (shifting) населения Индии к 2000 г. до н.э. возросла, по оценкам, до 4–6 млн человек (при этом основная их часть населяла бассейн Инда, т.е. запад субконтинента).

Переходя во второй главе к предыстории и ранней истории, автор начинает с Индской цивилизации. В зрелый ее период, продолжавшийся ориентировочно с 2600 до 1900 г. до н.э., она была, по всей видимости, самым населенным районом мира, превосходя по количеству жителей другие очаги цивилизации – Египет, Месопотамию, Китай [Dyson, 2018, p. 26]. Работа археологов, открывших миру два городских центра древней цивилизации – Мохенджо-даро в Синде и Хараппу в Панджабе (оба на территории современного Пакистана), продолжается, причем не только в Пакистане, но и на территории Индии, где давно обнаружены другие центры, в частности на полуострове Катхиавар (современный Гуджарат) и в западной части междуречья Ганга и Джамны (Ямуны).

С историко-демографической точки зрения интерес вызывает произведенный автором расчет числа жителей Мохенджо-даро и Хараппы. В первом из них, по мнению автора, самом крупном городе цивилизации, проживало около 60 тыс. чел. (с разбросом оценок от 30 до 85 тыс.), а во втором – около 35 тыс. (18–51 тыс.). Расчет произведен исходя из условно рассчитанной плотности населения (в среднем 230 человек на 1 га) [Dyson, 2018, p. 20]. Совокупная численность жителей в других городах не превышала 18 тыс., а количество всех горожан составляло предположительно около 6 % от общего количества населения.

Автор касается ряда нерешенных вопросов, связанных с Индской, или Хараппской цивилизацией, в частности, этнической принадлежности ее жителей (скорее всего, как он считает, протодравидской), причин ее деградации, взаимосвязи между нею и пришед-

шей ей на смену индоарийской городской культурой. Дайсон присоединяется к сделанным ранее предположениям о том, что к коллапсу цивилизации привели истощенность использовавшихся человеком природных ресурсов (вырубка леса, истощение почвы), изменения климатических условий (обмеление и высыхание рек, расширение болотистых местностей и, в результате, повышение уровня смертности, скорее всего от малярии), а на последнем этапе – захват городских поселений грабителями.

Хотя деградация цивилизации заняла несколько столетий, а некоторые поселения, в частности на Катхиаваре, надолго пережили упадок основных центров, вслед за большинством историков автор указывает на явный временной разрыв между концом Индской цивилизации и расцветом городской культуры на новом месте, в междуречье Ганга и Джамны. Несмотря на это, он полагает, что можно выявить влияние элементов Индской культуры на индоарийскую, утвердившуюся в самом начале 1-го тыс. до н.э. на северо-западном стыке субконтинента, в верховьях Инда, а затем распространившуюся вдоль Гангской долины вплоть до современных Бихара и Бенгалии.

Примечательно также, что если Индская цивилизация была связана генетически, культурно и в торговом отношении с Месопотамией и юго-западным сухопутным и морским путем, то арии появились на субконтиненте с северо-запада, со стороны восточного Ирана. Поначалу это были пастушеские кочевые племена, имевшие лошадей и колесницы. Постепенно они перешли к земледелию, подчинив местное население и смешавшись с ним. При этом Дайсон предполагает, что индоарии двигались не по центру покрытого лесом междуречья Ганга и Джамны, а по северным и южным его окраинам [Dyson, 2018, p. 22]. Он отмечает повышение продуктивности земледелия в связи с применением железных сельскохозяйственных орудий и практикой двух полевых сезонов (летнего и зимнего или осеннего и весеннего по времени сбора урожая) [Dyson, 2018, p. 23].

В середине 1-го тыс. до н.э. в бассейне Ганга сложилась сеть городов, наиболее крупными из которых были Индрапрастха (около Дели), Матхура, Айодхья, Уджаини, Каушамби, Паталипутра (современная Патна), Раджагриха, Чампа и Тамралипти в устье Ганга [Dyson, 2018, p. 24]. Паталипутра стала столицей государства Маурьев, возникшего в конце IV в. после ухода войск Александра Македонского и достигшего расцвета при императоре Ашоке в середине III в. до н.э. Сведений о численности населения от современников той эпохи не сохранилось, но уровень урбанизации, как считает автор книги, в долине Ганга был выше, чем в свое время в долине Инда – в городах проживало до 13 % населения в границах империи, на которую приходилось около двух третей общего числа жителей субконтинента [Dyson, 2018, p. 27], причем юг Индии заметно отставал в тот период от севера в культурном и демографическом отношениях.

Дайсон считает оценки количества жителей в эпоху Маурьев (70–181 млн человек) некоторыми индийскими историками явно завышенными, оценивая индийскую популяцию того времени в 15–30 млн и считая, что «на самом деле она могла быть как намного больше, так и намного меньше» [Dyson, 2018, p. 29].

Касаясь вопроса о смертности в описываемую эпоху, автор полагает, что она должна была быть весьма высокой: этому способствовала скученность проживания как городского, так и сельского населения, а причинами смертности были инфекционные заболевания – малярия, холера, ветряная оспа, тропическая лихорадка, корь. Рождаемость была высокой, чему благоприятствовали кастовые обычаи, но она ненамного превосходила смертность.

Население Индии росло медленно. Если, как полагает К. Макивди, оно равнялось 12 млн человек в 1000 г. до н.э. и выросло до 35 млн к 1-му г. н.э., то среднегодовой прирост равнялся 0.1 %. Автор полагает, что периоды, когда население сокращалось из-за эпидемий, голода и войн или комбинации этих факторов, чередовались с этапами более быстрого роста [Dyson, 2018, p. 30]. При этом на субконтинент приходилась значитель-

ная часть населения тогдашнего мира – порядка пятой его части, что соответствует расчетам, приводящимся в атласе по истории мирового населения американским исследователем Д.К. Нельсоном [Nelson, 2014, p. 24]. Интересно, что примерно такую же долю мирового населения Индия занимала и в дальнейшем. Продолжает она занимать ее и вплоть до наших дней.

Третья глава книги Т. Дайсона посвящена длительному отрезку времени от последних веков до н.э. до 1000 г. н.э. Многие приводимые автором явления и факты, касающиеся политической и этнической истории, хорошо известны из работ отечественных и зарубежных авторов (см. напр.: [Алаев, Вигасин, Сафронова, 2018; Алаев, 2017]). Отметим лишь то, что касается непосредственно демографической истории. Ссылаясь на расчеты западных и индийских историков, автор характеризует рост населения Индии на протяжении этого времени как крайне умеренный. Так, к середине 1-го тыс. н.э. оно, скорее всего, равнялось 58 млн человек с разбросом от 30 до 86 млн [Dyson, 2018, p. 52]. Причем автор постоянно подчеркивает приблизительный характер подобных оценок. Помимо объективных причин он указывает (правда, не слишком убедительно это доказывая) на пренебрежение, с которым представители индийской цивилизации (в отличие, например, от китайской) относились к подсчету численности населения, считая земную жизнь недостойной закрепления в хрониках [Dyson, 2018, p. 53].

Вызывает интерес привлечение Дайсоном записок китайского путешественника Сюань Цзана для подсчета численности жителей ряда крупных городов. Хотя рассказ буддийского паломника, посетившего Индию в 630–644 гг., после распада империи Гуптов с центром в Гангской долине, давно известен историкам (см. напр.: [Ганковский, 1964, с. 99, 101 и др.], новой представляется попытка использовать его оценки их площади [Dyson, 2018, p. 52–53]. Впрочем, и после этого остается неясность в отношении плотности городского населения и его удельного веса во всем народонаселении. Как следует из записок Сюань Цзана, в поисках буддийских монастырей ему приходилось пересекать покрытые лесами мало освоенные людьми территории, а саму землю тогдашней Индии он считал распадающейся на восемь областей с господствующим в каждой из них главным городом [Dyson, 2018, p. 47]. Эти области, замечает Дайсон, были, судя по всему, вполне самодостаточны (Гандхара на северо-западе, Калинга на юго-востоке). Благодаря такой изолированности колебания в численности жителей Индии были меньше, чем в более централизованном Китае [Dyson, 2018, p. 48].

Среди причин высокой смертности автор называет периодически возникавшие эпидемии холеры, малярии, а с VIII–IX вв. – оспы. Эпидемии зачастую приносились вторгавшимися на территорию Индии ордами кочевников из Центральной Азии – саками (шаками), эфталитами (белыми гуннами). Оставаясь на субконтиненте, они оседали в основном в северо-западных и западных областях – от нынешнего Панджаба на севере до Гуджарата на юге. Теснимые завоевателями прежние правители и верное им население осваивали менее благоприятные в природно-климатическом плане области центра Индии (Деканское плоскогорье). На юге и востоке к концу 1-го тыс. образовались процветающие государства Паллавов, Чалукьев и Чолов, благодаря мирной (торгово-миссионерской) экспансии которых имела место «индианизация» значительной части юго-восточной Азии [Dyson, 2018, p. 47].

Отмечает автор и поддерживавшиеся особенно активно в первой половине 1-го тыс. торговые и человеческие контакты с эллинским миром и Римской империей. Вместе с тем «чума Юстиниана», бушевавшая в восточной части империи и на Ближнем Востоке в середине VI в., по всей видимости, Индию почти не затронула [Dyson, 2018, p. 48–49].

В третьей главе автор касается и проникновения ислама на субконтинент, начавшегося в VIII в. с Синда на юге Индского ареала. Но основную часть рассказа о «мусульманском» периоде в истории народонаселения Индии он переносит в четвертую главу

«Средневековье и Могольские времена, 1000–1707 гг.». Нет смысла останавливаться на хорошо известной политической истории этого периода, хотя автор книги и уделяет ей по необходимости некоторое внимание, заметим лишь, что начало этой эпохи он в основном выносит за скобки, не привлекая, в частности, информацию из известной книги «Ал-Хинд» Бируни [Абу Рехман Бируни, 1995], хрониста при дворе Махмуда Газни, совершавшего в первые десятилетия XI в. регулярные грабительские набеги на север и запад Индии с целью не только разграбления, борьбы с неверными и ересью среди мусульман, но и захвата рабов. В результате одного из походов Махмуд угнал в плен 53 тыс. человек [Dyson, 2018, p. 56]. Торговля людьми процветала и в дальнейшем, причем людей как вывозили, так и ввозили в Индию. Занимались торговлей в основном арабы, поставлявшие рабов из Африки, главным образом через Занзибар, но с середины тысячелетия не брезговали ей и европейцы (португальцы, голландцы и англичане).

Власть мусульман на севере Индии установилась в начале XIII в. благодаря основанию Делийского султаната (на западе же субконтинента, в долине Инда, арабские по происхождению государственные образования существовали к тому времени уже на протяжении 500 лет). Весьма обоснованно Дайсон рассматривает режимы, установленные в междуречье Ганга и Джамны правящей прослойкой тюрок-мусульман, жестко репрессивными и полагает, что XIII и XIV вв. были из-за этого крайне неблагоприятными с демографической точки зрения. К тому же в конце этого периода (в 1398 г.) Дели, где могло проживать до 300 тыс. человек, был захвачен и полностью опустошен войсками Тимура. От страшного разорения город смог оправиться только через два столетия [Dyson, 2018, p. 57].

Поднимается в книге и вопрос о том, затронула ли Индию «черная смерть» – чума, унесшая в 1347–1352 гг. от трети до половины жителей Европы, свирепствовавшая также на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и, вероятно, в Китае. Мнения историков на этот счет расходятся. Американский историк У. Макнил полагает, что субконтинент не избежал чумы. Дайсон склонен с ним согласиться, хотя доказательств массовой и повсеместной эпидемии не существует. Речь может идти о чуме в отдельных районах Индии – прежде всего на западе, располагавшем тесными (через *хадж*) контактами с Аравией, и на востоке – из-за связей с Китаем через Ахом (нынешний Ассам) [Dyson, 2018, p. 60].

С начала XVI в. в Дели утвердилась династия Моголов, выходцев из Средней Азии. Вторая половина столетия приходится на правление шаха Акбара, при котором положение основной массы населения (индусов) улучшилось. Сам правитель продолжал воевать почти до конца жизни и сумел поставить под свой контроль огромную территорию, включавшую большую часть Индии (кроме юга) вместе с Афганистаном. В XVII в. росту населения способствовала политическая стабильность, но именно на этот век приходится огромное число засушливых лет, голода и эпидемий. О страшных испытаниях того периода свидетельствуют записки европейцев, проживавших в основном на западе Индии, в городах Малабарского побережья, где голод свирепствовал едва ли не каждый третий год. Наиболее страшными были 1630–1632 гг., когда по улицам Сурата и других городов трудно было пройти из-за нагромождения трупов. Могольские власти пытались помочь голодающим, снижали налоги, но из-за засухи в города бежали сельские жители. Засуха и неурожай обычно сочетались с эпидемиями холеры, тропической лихорадки и др. [Dyson, 2018, p. 55–57].

Однако не все районы Индии страдали в одинаковой степени от засух и эпидемий – на юге и востоке запустение и смертность были ниже и, несмотря на многочисленные бедствия за первые семь столетий 2-го тысячелетия, население Индии выросло. Используя многотомное сочинение сподвижника Акбара Абу-л Фазла «Аин-и акбари», англичанин У. Морленд в 1920 г. оценил численность индийского населения на конец

XVI в. (1595 г.) в 100 млн человек. Существуют и более высокие оценки. Автор обозреваемой книги считает наиболее правдоподобной цифру 125 млн человек и делает предположение, что модели изменений в истории народонаселения Индии весьма похожи на аналогичные в Китае и Европе. Замедленный, даже негативный демографический рост с середины XIV до середины XV в. соответствует времени глобального похолодания; ускорение роста с середины XV до конца XVI столетия наблюдалось во время потепления, а замедление темпов прироста в 1600–1800 гг. пришлось на еще одну эпоху похолодания в мире. Вместе с тем зависимость Индии от глобальных климатических колебаний была меньше вследствие ее расположения в более южных широтах [Dyson, 2018, p. 75–76].

Пятая и шестая главы книги Т. Дайсона посвящены периоду от заката Могольской империи, последовавшего за смертью последнего могущественного правителя Аурангзеба в 1707 г., до 1821 г. (окончания раннего периода господства англичан на субконтиненте) и 50 годам полноценного колониального господства (вплоть до 1871 г.).

Обращает на себя внимание то, что автор полагает преувеличенными оценки жертв страшного голода в Бенгалии в 1769–1770 гг. Он считает, что англичане вели себя «позорно» (*disgracefully*) – Ост-Индская компания ничем не помогла голодающим. Вместе с тем 10 млн погибших от голода – это, по его мнению, преувеличение, число жертв могло составить 1–2 млн человек [Dyson, 2018, p. 87].

В начале XIX в. в Индии стали применять вакцинацию против оспы (спустя всего три года после изобретения вакцины), но лишь для спасения жизни англичан: местное население получило доступ к вакцине только ближе к концу столетия [Dyson, 2018, p. 95]. О демографических последствиях широкого антиколониального восстания 1857–1859 гг. автор упоминает лишь вскользь, в то же время полагая, что число жертв могло составить несколько сот тысяч человек, и уделяет немного внимания переменам, происшедшим в системе управления Индией после ее перехода под контроль Британской короны в 1858 г.

Главное заключение из пятой главы состоит в том, что индийское население между 1707 и 1821 гг. медленно, но неуклонно росло. Оценки численности жителей на 1800 г. варьируются в широких пределах – от 159 до 207 млн человек. Усредненные данные этих оценок – 187 млн. К 1821 г. население могло приближаться к 200 или даже к 220 млн человек [Dyson, 2018, p. 91]. Доля городского населения за более чем сто лет изменилась мало. Встречающиеся иногда оценки удельного веса горожан в 15 % автор считает завышенными. В городах, по его мнению, проживало менее 10 % жителей [Dyson, 2018, p. 94].

Среди перемен, происшедших после установления власти короны, Т. Дайсон отмечает поставленный на более широкую ногу учет – в первую очередь регистрацию населения. В Мадрасском президентстве еще при Ост-Индской компании переписи проводились регулярно, раз в пять лет. Первую перепись в Бомбейском президентстве организовали в 1841 г., в Северо-Западной провинции – в 1853 г., в Панджабе и Синде – в 1855 г., а в Центральных провинциях – в 1866 г. На слушаниях в британском парламенте в 1858 г. численность подданных короны в Индии определялась в 180 млн, а вместе с населением полунезависимых княжеств – в 224 млн человек [Dyson, 2018, p. 102–103].

Первая перепись жителей британских провинций прошла в 1867–1871 гг. (в Бихаре, Панджабе и Ауде они были проведены раньше, чем в остальных провинциях, между 1867 и 1869 гг.). Ценз населения дал цифру в 203 млн человек. Т. Дайсон приводит расчеты одного из пионеров изучения истории населения Индии и Пакистана – американского ученого К. Дэвиса (см: [Davis, 1951]), который оценил общее народонаселение (добавив оценки по княжествам) в 255 млн человек и допустил, что итоговая численность могла быть и большей [Dyson, 2018, p. 102].

Вместе с тем середина XIX в. стала временем тяжелых испытаний. Голод, основной причиной которого нередко становилась нехватка не продовольствия, а работы и денег на еду (“famine of work rather than food”), охватывал периодически то одну, то другую части Индии. Голодные годы случались и в начале периода (в 1832–1833 гг. в Гуджарате, на Декане, в Северо-Западной провинции) и в конце (в 1860–1861 гг. в Пенджабе, в 1865–1867 гг. в Ориссе и Бихаре) [Dyson, 2018, p. 110].

Как и прежде, голод сопровождался эпидемиями, чаще всего холеры. Холера, начавшаяся в 1867 г. в Хардваре во время праздника *Кумбх мела*, распространилась по всему северу [Dyson, 2018, p. 112], но самой губительной инфекционной болезнью оставалась малярия, вызывавшая от четверти до трети всех смертей. В некоторых регионах ситуация с малярией ухудшилась из-за передвижения земледельцев в более пустынные и менее освоенные местности. Строительство оросительных каналов, которому автор уделяет мало внимания, часто сопровождалось заболачиванием, что вело к росту заболеваемости малярией [Dyson, 2018, p. 113].

Первые переписи населения дали возможность статистически оценить уровень урбанизации, показав появление крупных городов – Калькутты, чье население вместе с примыкающей Хаурой приближалось к 1 млн человек, Бомбея и Мадраса. Но уже в последнем насчитывалось менее полумиллиона. Всего же существовало лишь 42 городских поселения (с числом жителей свыше 50 тыс. в каждом). Население в крупных городах в целом было равным 5.6 млн человек. В меньших по численности городских населенных пунктах (более 5 тыс. человек) проживало еще примерно 13–14 млн. Население, отнесенное к городскому, составляло 10–11 % от общего, а с учетом княжеств – 8–11 % [Dyson, 2018, p. 116].

Главные выводы автора по демографической динамике в 1821–1871 гг. сводятся к тому, что среднегодовой прирост равнялся 0.3–0.4 %, несколько превышая предшествующие показатели. Причиной тому было снижение смертности, в том числе женской, в частности, из-за запрета обычая самосожжения вдов (*sati*). При этом первые переписи неизменно выявляли превышение численности мужчин, объяснявшееся, среди прочего, меньшим вниманием к уходу за девочками и даже умерщвлением новорожденных женского пола [Dyson, 2018, p. 116].

В седьмой главе автор рассматривает период с 1871 по 1921 г., дав ей неожиданное название «Голод, чума и инфлюэнца». И действительно, основное внимание Дайсон уделяет борьбе с тяжелыми бедствиями, обрушившимися на Индию на пике колониального господства. Голод, вызванный засухой, случался в стране (в отдельных крупных ее частях) за это время не раз. Особенно сильным он был в 1876–1877, 1877–1878, 1896–1897 и 1899–1900 гг. Как подчеркивает автор, английские власти мало что делали для борьбы с голодом: некоторые вице-короли, такие, как лорд Литтон, полагали (не без влияния сочинений Т. Мальтуса), что голод – неизбежное следствие слишком большого населения. Но все же власти создали комиссию по голоду, в 1880 г. представившую доклад, признавший панацеей ирригацию и освоение новых земель [Dyson, 2018, p. 138]. Характеризуя британское колониальное правление как полуфеодальное, автор отмечает, что технический прогресс, оказывая подчас противоречивое воздействие, все же вносил свои коррективы в положение дел.

Особенно помогал прогресс в борьбе с эпидемиями, после некоторого перерыва вновь ставшие частым явлением на субконтиненте, по всей видимости, вследствие его большей открытости внешнему миру. Так, в 1890-х гг. Бомбейское президентство поразила вспышка чумы, завезенной из Египта или Китая, но работавший там российский врач-бактериолог В.М. Хафкин сумел создать эффективную вакцину и от нее, и позднее от холеры [Dyson, 2018, p. 142–143]. К началу XX в. вакцинация от оспы свела смертность от этой болезни к минимуму. Позднее наблюдается тенденция снижения смертности от ма-

лярии, связанная, помимо применения лекарственных средств, с более благоприятными климатическими условиями [Dyson, 2018, p. 155].

Небывалым бедствием ознаменовалось для Индии окончание Первой мировой войны. Инфекция гриппа (инфлюэнцы, или испанки) была завезена в Бомбей военными индийской армии, вернувшимися из Франции. В Европе воевали более 1 млн индийцев, и принесенная оттуда инфекция оказалась крайне губительной. Первая и вторая волна смертей (летом и осенью 1918 г.) охватила в основном западные регионы страны. В 1919 г. она перекинулась на восток. К. Дэвис полагал, что от испанки погибло 20 млн человек, позднейшие исследования, которым склонен доверять Дайсон, снижают цифру до 11–14 млн [Dyson, 2018, p. 147].

Рассматриваемый в главе полувековой период отличался резкими колебаниями в темпах роста населения по десятилетиям – между 1871 и 1881 гг. среднегодовой прирост равнялся всего 0.03 %, в следующем десятилетии он вырос до 0.92, затем вновь сократился до 0.11 и 0.10, а между 1911 и 1921 гг. составил только 0.09 % [Dyson, 2018, p. 129]. Демографическая динамика в этот период в целом мало отличалась от двух предшествующих полувековых отрезков. О том же свидетельствует и низкая средняя продолжительность жизни (ожидаемое среднее число лет дожития при рождении), которую стали замерять с 1891 г. По сравнению с данными переписи того года она в 1921 г. даже снизилась с 26 до 22 лет [р. 130].

Среднегодовые темпы роста населения стали стабильно более высокими лишь на следующем полувековом этапе с 1921 по 1971 г. Посвященная ему восьмая глава называется «До и после 1947 г.». Как замечает автор, снижение смертности в 1920–1930-х гг. было связано не с улучшением экономической ситуации и повышением среднедушевого дохода, но стало результатом устранения катастрофических бедствий [Dyson, 2018, p. 176]. Во время Второй мировой войны она не снижалась по той причине, что на него пришлось годы засух и неурожаев во многих частях страны, эпидемий малярии в Пенджабе, холеры в провинции Мадрас. Самой крупной и широко известной бедой стал голод в Бенгалии в 1943–1944 гг. Занятые войной и подавлением антианглийских выступлений, власти действовали с опозданием, хотя продовольствия вполне могло хватить, чтобы избежать массовой гибели людей. По официальным данным, от голода погибло 1.5 млн, по неофициальным – примерно 3 млн человек [Dyson, 2018, p. 182–183].

После достижения независимости в Индии наблюдается неуклонное и быстрое снижение смертности и сопровождающий его рост населения – результат вложений в здравоохранение и образование и повышения производительности сельского хозяйства. Государство удерживало под контролем цены на необходимые продукты питания. Смертность снижалась и благодаря расширению доступа к обеззараженной (безопасной) воде, улучшению бытовых и санитарных условий. Наиболее заметные перемены произошли в городах – прежде всего в крупных. За первые два десятилетия независимого развития положение в деревнях менялось много медленнее, а темпы перемен различались по штатам и регионам. Национальным бедствием стали крайне засушливые 1965–1967 гг. Особенно тяжело они отразились на положении в штатах Бихар и Уттар-Прадеш (т.е. в восточной и центральной частях междуречья Ганга и Джамны).

Несмотря на усилия правительства по увеличению количества больниц, больничных коек и численности медперсонала, ожидаемых сдвигов к началу 1970-х гг. достичь в полной мере не удалось. Смертность понизилась, но в сельских местностях оставались очаги эпидемий малярии и даже оспы, случались и рецидивы холеры [Dyson, 2018, p. 189]. Разница между смертностью в городах и деревнях, по данным выборочных обследований, существенно возросла – в городах она составила в 1971–1973 гг. 9.9 % на 1000 человек, а в сельской местности – 17.4 % [Dyson, 2018, p. 194]. Одновременно возрос разрыв в показателях рождаемости, фертильность опустилась до 4 рождений в городских цен-

трах, оставшись на уровне 5.3 рождения в деревнях (брутто-коэффициенты рождаемости соответственно – 30.0 и 37.7) [Dyson, 2018, p. 195].

Рост численности населения, заметный в 1950-е гг., затем ускорился. За 10 лет между 1961 и 1971 гг. народонаселение выросло на 109 млн – до 548 млн человек. Среднегодовой прирост составил 2.2 %, взмыв вверх по сравнению с предшествующими периодами между переписями [Dyson, 2018, p. 203].

В девятой главе «От тревоги к безразличию» Т. Дайсон анализирует демографическую историю Индии на последнем почти 50-летнем этапе, с 1971 по 2016 г. Снижению рождаемости автор уделяет в ней повышенное внимание, справедливо видя именно в этом главные подводные камни современной демографической ситуации.

О желательности сокращения рождаемости в Индии заговорили уже в 1950-х гг.; государство приступило к пропаганде программы планирования семьи, но ее эффективность долгое время была низкой. Между тем рост населения требовал принятия срочных мер, кои и были приняты после введения правительством И. Ганди чрезвычайного положения в 1975 г. В январе следующего года премьер-министр заявила: «Мы сегодня должны действовать решительно и снизить рождаемость быстро, чтобы предотвратить удвоение нашего населения за какие-нибудь 28 лет» [Dyson, 2018, p. 225]. Согласно принятой в апреле того года парламентом национальной демографической политике развернулась кампания массовой стерилизации. Она включала увеличение денежных компенсаций людям, согласившимся на стерилизацию, разрешала штатам вводить принудительную стерилизацию многодетных родителей. В 1975–1976 гг. было произведено 2.7 млн операций по стерилизации, а в следующем году, по официальной статистике, было осуществлено 6.2 млн вазектомий (мужских стерилизаций) и 2.1 млн женских. Хотя эти цифры, как замечает Дайсон, могли быть завышены вследствие «рвения» штатов, кампания вызвала сопротивление общества (порядка 2 тыс. человек в ходе нее погибли), содействовала консолидации оппозиции и проигрышу партии Ганди на выборах в марте 1977 г. [Dyson, 2018, p. 226–227].

Политический эффект описанных событий оказался особенно значительным ввиду акцента на мужской стерилизации как на несколько более безопасной. В дальнейшем индийские медики усовершенствовали технику стерилизации женщин. Фертильность снизилась, конечно, не только благодаря этому – сказались и повышение возраста вступления в брак, и рост грамотности и занятости женщин: подвижки в уровне образованности и доступности работы вне дома сыграли свою роль. А вот среди современных способов предупреждения беременности, как ни странно, стала преобладать стерилизация, доля которой выросла до 75 % [Dyson, 2018, p. 228]. Операция оказалась дешевой и доступной, поскольку делается часто сразу после рождения ребенка, в той же клинике. В сегодняшней Индии, особенно на юге, распространены семьи, где молодая супруга, родив одного за другим двух детей, соглашается на то, чтобы больше детей не иметь [Dyson, 2018, p. 228].

Как показывают данные последних переписей, прирост населения между 1971 и 2001 гг. держался на высоком, хотя и постепенно снижавшемся уровне (в районе 2 %). При этом абсолютный прирост за десятилетие неизменно составлял порядка 180 млн человек. Перелом наступил лишь между 2001 и 2011 гг., когда темп понизился до 1.6 %, а фертильность упала до 3.0 [Dyson, 2018, p. 222].

«Успокоенность» по поводу такой динамики английский демограф считает мало оправданной. За 1971–2011 гг. индийское население увеличилось с 548 до 1211 млн человек, более чем вдвое. К 2016 г. оно выросло до 1 млрд 286 млн, возрастая в год на 15 млн человек [Dyson, 2018, p. 247]. Дайсон полагает, что население субконтинента могло бы быть существенно меньше. «Демографический дивиденд» – выгоды от молодой структуры населения и большей доли трудоспособных, не компенсирует, по его мнению, пробле-

мы, вызываемые поистине гигантским народонаселением, которое уже в ближайшее время должно обогнать китайское, а к 2050 г., по расчетам ООН, выйти на уровень 1.7 млрд человек. Дайсон рассчитывает, что этого не произойдет и потолком станет 1.6 млрд [Dyson, 2018, p. 249].

Еще один момент, который беспокоит автора в индийской ситуации, это сохраняющаяся неравномерность в коэффициентах смертности между городом и деревней и между разными регионами. Хотя снижение смертности в 1971–2016 гг. происходило по преимуществу за счет сельской местности, там она остается выше; упорно держится на высоком уровне смертность от тифа, малярии и туберкулеза. Интересно, что сокращение смертности почти не зависит от изменений в масштабе бедности, ситуация с которой относительно улучшается, но абсолютное число бедных в сегодняшней Индии остается примерно таким же, как в 1950-х гг.

Ныне в национальном масштабе Индии резко уменьшилась роль инфекционных, «контактных» заболеваний, хотя появилась и новая инфекция – СПИД. На первое место вышли неконтактные причины смерти – от рака, сердечно-сосудистых заболеваний, бронхита, астмы, инсультов и т.п. В городах возросла роль травматизма, в ряде крупнейших городов резко ухудшилась экология и возросла заболеваемость от поражения легких и респираторной системы. Все это накладывается на масштабность проблем, связанных с системой здравоохранения, по мнению английского ученого, оставляющей желать лучшего. Среди достижений последних лет он указывает на успешную борьбу с полиомиелитом – в 2014 г. Всемирная организация здравоохранения провозгласила Индию свободной от него страной [Dyson, 2018, p. 234].

Что касается постоянной для монографии темы урбанизации, то в главе отмечается многократный рост численности и доли горожан по сравнению с концом XIX и началом XX в. За 1921–1971 гг. удельный вес городского населения увеличился с 11 до 20 %, особенно быстро с десятилетия 1950-х гг. [Dyson, 2018, p. 194]. В 1951–1971 гг. численность горожан росла быстрее во многом благодаря более низкой смертности. В последующие 50 лет основную роль стал играть фактор сельско-городской миграции. В 1971 г. в городах проживало 109 млн человек, а в 2011 г. – уже 425 млн, уровень урбанизации повысился до 31 %. Причем общее мнение таково, что этот уровень существенно занижен, поскольку номенклатура городов по ряду причин долгое время остается неизменной. В случае назревшей переклассификации в городские больших сельских населенных пунктов, уровень, скорее всего, достигнет 40 %. В ряде южных штатов, где список городов обновился, он повысился до 44–48 % [Dyson, 2018, p. 237].

Размеры рецензии, к сожалению, не позволяют затронуть все аспекты монографии Т. Дайсона. «За кадром» остались, в частности, некоторые сюжеты, относящиеся к позднейшей истории, такие, как миграция населения за пределы Индии и в ее границах, динамика религиозных общин, соотношение индусов и мусульман и проблемы раздела 1947 г. Не освещен вопрос постепенного улучшения статуса женщин в период независимости при сохранении различий в этом отношении между Северной и Южной Индией, а также проявления дискриминации в виде, к примеру, секс-селективных абортов.

Заслуживает внимание сделанный автором в заключительной главе акцент на двух демографических режимах. На севере и северо-западе субконтинента (Индо-Гангская равнина вплоть до запада Бенгалии) сохраняется, по его мнению, сквозь века пронесенный патриархальный режим с приниженным статусом женщин, повышенными показателями рождаемости и женской смертности. На юге (южнее р. Нармада) институты семьи несколько иные – положение женщин благоприятнее, браки заключаются позднее, рождаемость и женская смертность ниже. Истоки первого режима автор видит в индоарийской культуре, а второго – в дравидской [Dyson, 2018, p. 266–267]. Как следствие различий между режимами пропорция говорящих на дравидских языках сократилась за период неза-

висимости приблизительно с одной четверти до одной пятой, что может иметь определенное политическое значение. Специального внимания заслуживают содержащиеся в последней главе расчеты «сквозной» демографической динамики, надежность которых, как отмечает автор, в целом ниже, чем в случае с Китаем и Европой.

Несмотря на пропуски некоторых сюжетов, отмеченного в обзоре, кажется, достаточно, чтобы сделать вывод о большом самостоятельном значении демографического фактора в историческом процессе и необходимости его возможно более полного учета в исследованиях и учебных курсах по истории страны. Сама же книга Т. Дайсона, на мой взгляд, одновременно и выигрывает, и проигрывает от временной «всеохватности». Эта ее особенность не позволяет более полно осветить детали демографической ситуации в отдельные периоды, в частности наиболее поздние. Не хватает ей и демографического прогноза, что объясняется, наверное, как нежеланием автора пускаться в спекуляции по этому поводу, так и «политкорректностью», опасением затронуть неоднозначную для Индии тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абу Рейхан Бируни. *Индия*. М.: Ладомир, 1995 [Abu Reihan Biruni. *India*. Moscow: Ladomir, 1992 (in Russian)].
- Акимов А.В. *Мировое население: взгляд в будущее*. М.: Наука, 1992 [Akimov A.V. *World Population: A Glance at Future*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].
- Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. *История Индии*. М.: ГАУГН-Пресс, 2018 [Alaev L.B., Viganin A.A., Safronova A.L. *History of India*. Moscow: GAUGN-Press, 2018 (in Russian)].
- Алаев Л.Б. *Средневековая Индия. История: политическая, социальная, экономическая, культурная*. М.: Леннанд, 2017 [Alaev L.B. *Medieval India. History: Political, Social, Economic, Cultural*. Moscow: Lennand, 2017 (in Russian)].
- Вяткин А.Р. *Юго-Восточная Азия: демографический анализ*. М., Наука, 1984 [Vyatkin A.R. *South-East Asia: A Demographic Analysis*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].
- Ганковский Ю.В. *Народы Пакистана (основные этапы этнической истории)*. М.: Наука, 1964 [Gankovsky Yu.V. *Peoples of Pakistan (Main Phases in Ethnic History)*. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].
- Горячева А.М. *Население и экономический рост в Индии*. М., Наука, 1983 [Goryacheva A.M. *Population and Economic Growth in India*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].
- Гузеватый Я.Н. *Демографо-экономические проблемы Азии*. М.: Наука, 1980 [Guzevaty I Ya.N. *Demographo-Economic Problems of Asia*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. *Законы истории. Математическое моделирование развития мир-системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига, 2007 [Korotaev A.V., Malkov A.S., Halturina D.A. *Laws of History. Mathematical Modelling of Evolution of World-System. Demography, Economics, Culture*. Moscow: KomKniga, 2007 (in Russian)].
- Петров В.В. *Народонаселение Индии. Демографические характеристики*. М.: Наука, 1978 [Petrov V.V. *Population of India. Demographic Characteristics*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].
- Davis K. *The Population of India and Pakistan*. Princeton: Princeton University Press, 1951.
- Dyson T.A. *Population History of India: From the First Modern People to the Present Day*. New York: Oxford University Press, 2018.
- Nelson J.C. *Historical Atlas of the Eight Billion: World Population History 3000 BCE to 2020*. Alexandria: World History Maps, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY, Dr. Sc. (History), Professor, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.